

УДК 347.944.92

DOI: 10.34670/AR.2026.14.79.043

Признание факта как результат примирительных процедур: мировое соглашение

Тряпочкин Никита Андреевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62;
e-mail: tryapochkin_na@usue.ru

Кулюшин Евгений Николаевич

Кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62;
e-mail: kulyushin_en@usue.ru

Аннотация

Судебное признание факта в гражданском и арбитражном процессе (далее — цивилистический процесс) является далеко не новым явлением в российском процессуальном праве. Оно стало его неотъемлемой частью почти два века назад. Однако степень разработанности научной теории по данной теме порой заставляет задуматься: правильно ли теоретики, практики и законодатель понимают правовую природу этого механизма освобождения сторон дела от дальнейшего доказывания ранее признанных фактов? Одним из наиболее сложных аспектов судебного признания является его трактовка как результата примирительных процедур. Почему-то именно так определил законодатель в действующих процессуальных кодексах, что вызвало соответствующий вопрос о единстве признания с другими процессуальными институтами, например, заключением тяжущимися мирового соглашения. Отсюда мы попытаемся сейчас найти ответы на два следующих вопроса: Может ли признание факта быть результатом примирительных процедур? Если да, то может ли оно быть, например, составной частью мирового соглашения?

Для цитирования в научных исследованиях

Тряпочкин Н.А., Кулюшин Е.Н. Признание факта как результат примирительных процедур: мировое соглашение // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 405-415. DOI: 10.34670/AR.2026.14.79.043

Ключевые слова

Признание фактов, освобождение от доказывания, мировое соглашение, цивилистический процесс, примирение сторон, процессуальная экономия, доказательственное право.

Введение

Признание факта, в цивилистическом процессе, является неотъемлемой частью российского процессуального права на протяжении двух веков. Проведя рецепцию последнего из западноевропейского правового пространства, отечественный законодатель привнес нам механизм, направленный на существенное сокращение процессуальных издержек лиц, участвующих в деле, и суда, руководящего соответствующей процедурой. Однако, как ни прискорбно это признавать, развитие анализируемого процессуального института, несмотря на довольно продолжительный период его применения, по-прежнему оставляет желать лучшего.

Так, например, обращаясь к действующим процессуальным законам – гражданскому процессуальному кодексу (далее – ГПК РФ) и арбитражному процессуальному кодексу (далее – АПК РФ) можно заметить, что законодатель весьма посредственно занимается вопросами его совершенствования, если, конечно, смотреть на картину в целом. Проблемы, связанные с таким явлением, как признание «завязаны» не только на его правовой природе (в контексте теории, определяющей его сущность – доказательственной, распорядительной или смешанной), но и в части соотношения механизма его реализации при одновременном применении других процессуальных норм. Сказанное непосредственно относится к вопросу появлению таких норм, как 153.7 ГПК РФ и 138.6 АПК РФ, где содержатся положения о признании факта, как результате примирительных процедур.

Само по себе признание факта, если не углубляться в историю его развития и продолжать полагать, что законодатель до конца верно осознает суть распорядительной теории о его правовой природе (это, кстати, тоже спорный вопрос) представляет из себя процедуру, когда лицо, участвующее в деле, положим ответчик, подтверждает истинный характер отдельно взятого обстоятельства (или группы), на которое (-ые) в своих (-ем) утверждениях (-ии) суду ссылается его процессуальный оппонент [Тряпочкин, 2024, с. 59]. Как результат этого события следует освобождение, в нашем примере, истца от обязанности в дальнейшем доказывать конкретный факт (или группу). Да, при этом суду необходимо установить в заявлении ответчика отсутствие пороков воли или волеизъявления, попытки скрыть действительные обстоятельства дела и т.д., однако, это нас сейчас не интересует.

Обсуждение

Не так давно в ГПК РФ и АПК РФ были внесены изменения, согласно которым признание факта, а равно и соглашение по обстоятельствам дела для АПК РФ, стали определяться как результаты примирительных процедур.

Здесь-то и возникают те вопросы, которые обозначены в аннотации к данной работе.

1. Может ли признание факта быть результатом примирительных процедур?

При ответе на данный вопрос, сразу же важно заметить, что подобного рода «идея» об определении признания факта, как результата примирения тяжущихся возникла исключительно недавно, в указанный выше период. До этого, ни один ученый, занимающийся анализом механизма заявления суду о признании фактов, не предлагал подобных идей.

Так, например, первопроходец в контексте изучения института признания фактов – проф. М. И. Малинин, хотя и исследовал вопрос соотношения признания и мировой сделки, однако, никогда не касался вопроса о том, что первое может быть результатом или составной частью

второго. «Признание, как согласное заявление тяжущихся сторон о данных обстоятельствах спорного дела, имеет сходство с процессуальной мировой сделкой. Но существенное различие заключается в том, что мировая сделка не есть согласное понятие тяжущихся о существовавших или существующих обстоятельствах спорного дела; к ней неприменимо то существенное положение признания, по которому стороны делают согласное заявление непременно о действительных обстоятельствах дела (хотя, на самом деле, нередко эта действительность обстоятельств не более как фикция)» – писал ученый [Малинин, 1878, с. 10].

Таким образом, еще в самом начале «пути» развития учения о признании фактов, дореволюционный процессуалист настаивал на том, что хотя эти явления и похожи между собой, однако, общего между ними гораздо меньше, чем частного. Не говоря уже о том, чтобы рассматривать признание, как часть мирового соглашения.

Советская процессуальная школа, хотя и отбросила все идеи своих предшественников, под предлогом запрета на распространение буржуазных идей в отечественном научном пространстве, в вопросе соотношения признания факта с другими процессуальными институтами продолжила стоять на том же самом – общие черты у сопоставляемых явлений имеются, но их удельной «массы» недостаточно для последующего теоретического и практического отождествления.

Обратимся, к слову, к труду известного советского процессуалиста проф. А. Ф. Клейнмана, который, как и его предшественник, упомянутый выше, касался в своих исследованиях связи мировой сделки и признания.

«Судебное признание иска и мировая сделка связаны с принципом диспозитивности, а признание фактов и документов – с принципом состязательности» – утверждает профессор [Клейнман, 1950, с. 63].

Тем самым, ученый ясно дает понять, что сам базис сопоставляемых процессуальных институтов – принципы, на которых они основываются – совершенно разные, не говоря уже о том, чтобы один из них поглощал другой, пусть и частично.

Современные процессуальные школы, вне зависимости от их непосредственного расположения (в плане регионов), в своих научных трудах, составленных специально для высших учебных заведений, хотя и упоминают о существовании признания фактов, однако, просто ограничиваются его описанием.

Безусловно, содержание представленной информации для студенческого сообщества более чем исчерпывающее, не говоря уже о высококачественном научном слого любого такого источника, однако, странно, что вопрос о соотношении признания фактов и других процессуальных институтов, хотя бы в части подчинения одного другим, нигде при этом, за последние пятнадцать лет, так и не был поднят [Курс доказательственного права, 2014, с. 258–260; Арбитражный процесс, 2017, с. 190]. В том числе, надо заметить, и после появления ст. 153.7 ГПК РФ и ст. 138.6 АПК РФ.

Отсюда, мы делаем вывод, что мысль о сопоставлении признания факта и результатов других примирительных процедур – это исключительно результат деятельности законодателя, но никак не отечественного научного сообщества. Верным будет упомянуть, что в момент рецепции анализируемого процессуального института, из той же немецкой классической процессуальной литературы, также не было высказано никаких идей, подобно анализируемой здесь [Schneider, 1842, p. 404; Bethmann-Hollweg, 1827, p. 375].

Возвращаясь к нашим реалиям, необходимо отметить и тот факт, что каких-либо разъяснений, относительно того, как следует толковать положения двух упомянутых ранее

статей ГПК РФ и АПК РФ от высших судебных инстанций также, на сегодня, не поступало. Как будто бы для законодателя и судей этот вопрос остается самоочевидным, хотя, на наш взгляд, это далеко не так.

Итак, есть ли препятствия для того, чтобы считать признание факта примирительной процедурой само по себе? Если рассматривать его в отрыве от существования соглашения по обстоятельствам дела, которое будет проанализировано нами в отдельной работе, не совсем понятно, в чем же состоит примирение. Стадия исследования доказательств, истец заявляет утверждение, ответчик подтверждает достоверный характер упомянутого события, что влечет освобождение процессуального оппонента от обязанности доказывать конкретный факт. Где, собственно, здесь примирение? Стороны выражают согласие в отношении отдельно взятого факта, не более того.

Отдельно, важно заметить, законодатель, на протяжении долгого времени игнорировал такой вид признания, как заявленное с корыстным мотивом. Однако, оно существует – например, в той же ч. 3 ст. 68 ГПК РФ, где сказано про «сокрытие действительных обстоятельств дела». Другой вопрос, что механизм выявления такого рода изъятий признания, а равно и пороков воли или волеизъявления, как не был описан за два с половиной века, так и остался без разъяснений. Что до ученого сообщества, то оно вообще о нем не упоминает, за исключением отдельно взятых работ [Тряпочкин, 2024, с. 78–79]. Классические научные труды, посвященные вопросу классификации признаний, также не рассматривают конструкции заявления признания, как попытки «увести» суд в сторону, от изучения отдельно взятых вопросов [Гольмстен, 1913, с. 198–202].

Тем не менее, возвращаясь к вопросу о существовании признания, как результата примирительных процедур, заключим, что само по себе признание, в отрыве от других институтов, самостоятельно, никаким примирением не является, поскольку подтверждение отдельного факта в пользу процессуального оппонента, возражая относительно всего остального, очевидно, улаживанием разногласий не является. Компромиссом это тоже считать нельзя, поскольку тот предполагает взаимные уступки, а здесь, на лицо, одностороннее действие одного из лиц, участвующих в деле.

Кроме того, подтверждение сказанному можно найти и в трудах наших классиков, например, тот же М. А. Гурвич утверждал, что «...только признание, представляющее собой отказ от права на возражение, можно быть бы признать процессуальным действием в узком смысле этого слова, так как такое признание является волеизъявлением» [Гурвич, 1950, с. 120].

Таким образом, мы точно исключаем признание факта, как самостоятельную примирительную процедуру, поскольку утверждение об истинном характере обстоятельств, на которые ссылается процессуальный оппонент, не имеет ничего общего с примирением, а является лишь отказом на право возражения.

Однако, интересно то, что несмотря на сказанное выше, ничего не мешает признанию факта, как бы абсурдно, на первый взгляд, это не выглядело, быть частью других примирительных процедур. Ни одна из присущих ему качественных характеристик – предмет, адресат, субъектный состав и прочие, не ведут к прямому запрету, например, к помещению признания фактов в состав, например, мирового соглашения.

2. Признание факта, как элемент содержания примирительных процедур.

Итак, переходя ко второму вопросу, сразу же заявим, что в целом, помещение признания факта в содержание указанного акта, заключаемого по результатам примирительной процедуры, видится нам, хотя и возможным, однако абсолютно бессмысленным.

Причин для этого несколько:

а) признание факта обладает имманентно присущим свойством дезавуирования [Тряпочкин, 2024, С. 50-53]. Впоследствии, будучи помещенным в состав акта, заключаемого тяжущимися, а позднее приведшего к окончанию судебной процедуры, это свойство у него напрочь перестает существовать – невозможно отозвать признание в том же самом процессе;

б) казалось бы, есть у признания и другое свойство – оспоримости, однако, и его реализация при помещении признания в содержание того же мирового соглашения видоизменяется [Тряпочкин, 2024, с. 52]. Во-первых, его невозможно оспорить отдельно от соглашения. Во-вторых, его теперь нельзя оспорить в апелляции, поскольку результаты мирового соглашения подлежат пересмотру только в кассационной инстанции;

в) в продолжении предыдущего пункта – можно ли утверждать, что отдельно взятый элемент мирового соглашения может быть порочен в отношении остальных? Проще говоря, можно ли оспаривать результаты примирения, основываясь лишь на том, что, например, суд не установил пороки воли или волеизъявления в том утверждении, которое было вписано в соглашение? При условии, положим, что все остальное в порядке – уступки равноценные, не нарушены материальные и процессуальные нормы, права и законные интересы третьих лиц не нарушены и защищены. Согласитесь, это весьма странно, тем более что все положения ст.ст. 153.10 ГПК РФ и 141 АПК РФ соблюдены. Однако, следуя логике ст.ст. 68 ГПК РФ и 70 АПК РФ суд должен был, в свое время, установить наличие пороков и отказать в утверждении заявления о признании факта. Как быть теперь? С одной стороны, права тяжущихся и третьих лиц не нарушены, с другой, чтобы затянуть, например, с исполнением соглашения, есть вариант пойти в кассацию и посудиться в отношении ранее заявленного признания. Где же тут сокращение процессуальных издержек? Напротив, усматривается ситуация, которая, пусть пока и исключительно теоретическая, когда есть возможность злоупотребления правом со стороны, например, бывшего ответчика;

г) какой вообще смысл удостоверять, если можно так выразиться, достоверный характер отдельно взятого факта (или группы)? Статья 153.9 ГПК РФ и ст. 140 АПК РФ содержат четкий перечень условий, выдвигаемых к содержанию соглашения. Да и, собственно, куда прописывать о признании факта? К уступкам? К срокам реализации обязанностей? Куда угодно? Эти маленькие, казалось бы, вопросы также порождают неопределенности, хотя бы в деятельности суда, которому подлежит оценивать соответствующий проект соглашения. Тем не менее, если не вдаваться в такого рода подробности, разницы-то особо и нет, поскольку четкой структуры содержания соглашения (1, 2, 3...) закон не называет. В принципе, можно вписать о признании факта куда заблагорассудится, но вопрос в другом – зачем утяжелять официальный, впоследствии, индивидуально определенный акт лишней информацией? Должны же, логично предположить, существовать какие-то разумные рамки для составления тех же проектов мировых соглашений;

д) как быть с квалифицированными признаниями [Тряпочкин, 2024, С. 50-53] – т.е. теми, которые содержат оговорку? В науке до сих пор нет единого мнения кто должен ее доказывать, не говоря уже о том, что случится, если поместить такого рода признание в состав мирового соглашения [Попов, 1905, с. 77–97; Гордон, 1867, с. 40–42]. Думается, что пока не решен вопрос с доказыванием недопустимо рассуждать над тем, чтобы создавать внутри мировой сделки искусственную неопределенность, пускай, возможно, и не влекущую за собой ущемление чьих-либо прав или нарушения баланса в части уступок.

Резюмируя сказанное, признание факта само по себе результатом примирения, очевидно, не является. Однако, следуя правилам действующих процессуальных норм, поместить его в состав,

например, мирового соглашения все-таки можно. Впрочем, зачем это делать – так до конца и не ясно.

Однако, для уяснения понимания процессуальных институтов признания факта и мировых соглашений в гражданском процессе, в первую очередь, следует провести чёткое разграничение данных процессуальных институтов с учётом роли каждого из них в отдельности и совместно друг с другом в ходе судебного разбирательства.

Основаниями проведения подобного разграничения являются положения, выработанные в доктрине гражданского процесса, прежде всего, во французской и немецкой процессуальной доктринах, оказавших значительное влияние на дореволюционную российскую процессуальную доктрину и отечественное процессуальное законодательство [Яблочков, 1914, с. 604–637].

Возникновение судебного разбирательства зависит от воли истца, который посредством искового заявления «производит» возбуждение процессуальной деятельности суда с целью разрешения правового спора между ним и ответчиком по делу (*Nemo iudex sine actore*).

Тем самым предметом деятельности суда является гражданское правоотношение, которое возникло между сторонами процесса до обращения в суд и существует в форме нарушенного правоотношения [Малинин, 1878, с. 2].

Разрешение данного правоотношения судом предполагает инициативную деятельность сторон в предоставлении доказательственного материала для удовлетворения заявленных требований или возражений (*Onus probandi* - бремя доказывания требований и возражений, сформулированы в ст. 56 АПК РФ, ст. 65 ГПК РФ в качестве общего правила для сторон судебного разбирательства).

Из общего правила имеются исключения, одним из которых, является признание о факте, которое совершается стороной в процессе рассмотрения дела, последствием которого, является освобождение противной стороны от доказывания данного факта в общем порядке [Яблочков, 1915, с. 5–6].

Общее правило о бремени доказывания (*Onus probandi*) действует для сторон, если они не заявляют признание о факте или группе фактов. В таком случае суд обязан действовать в соответствии с общим процессуальным регламентом о распределении бремени доказывания.

В связи с чем суду следует осуществлять полномочия по материальному руководству процессом. Эти полномочия включают в себя:

- определение обстоятельств, входящих в предмет доказывания в отношении спорных правоотношений сторон;
- установление доказательств, подтверждающих требования и возражения сторон спорных правоотношений;
- сбор, исследование, оценку доказательств, подтверждающих и опровергающих факт или группу фактов;
- определение правовой квалификации спорных правоотношений [Лазарев, 2022, с. 61].

Тем самым признанный факт не требует дальнейших доказательств со стороны процессуального оппонента [Малинин, 1878, с. 6], а также освобождает суд от обязанности исследовать данный факт.

Применительно к деятельности сторон в судебном процессе роль признания факта преследует цель придать ясность и чёткость в регулировании имеющегося (текущего) правоотношения путем подтверждения его действительного характера в судебном решении

(«сохранении действительного правоотношения в первоначальном виде, констатации его действительности») [Малинин, 1878, С. 7-8].

Следовательно, суду следует принять судебное решение, которое должно соответствовать содержанию признания [Савиньи, 2016, с. 305], поскольку суд преследует задачу в виде установления (констатации) спорного правоотношения в том числе путём учёта заявленных сторонами признаний фактов.

Последствием признания факта по отношению к спорному правоотношению является его бесспорность между сторонами, отсутствие необходимости в совершении сторонами «затратных» процессуальных действий в виду наличия общего правила о распределении бремени доказывания на каждой из сторон спора требований или возражений при отсутствии заявленных признаний о фактах, сокращение времени работы суда над представленным сторонами материалом («действие принципа процессуальной экономии»).

Институт признания фактов тем самым сокращает путь и для сторон, и суда к достижению правового результата в виде вынесения справедливого судебного решения.

Здесь следует согласиться с Т.М. Яблочковым в том, что признание факта как процессуальное действие позволяет суду разобраться в содержании фактических отношений, лежащих в основании спора и достигнуть цели судопроизводства путём вынесения итогового судебного решения, установив истинный характер спорных правоотношений («установление действительного характера спорного правоотношения») [Яблочков, 1914, с. 478–479].

Таким образом, процессуальный эффект признания факта состоит:

- 1) в освобождении от бремени доказывания данного факта процессуальным оппонентом, так как признание является отказом от права на возражения в суде;
- 2) в сокращении работы суда в отношении установления характера спорных правоотношений, а также самих сторон спора;
- 3) в обеспечении сохранения действительного правоотношения в первоначальном виде, констатации его действительности в судебном решении при осознанном поведении сторон в процессе [Малинин, 1878, с. 93];
- 4) в использовании в качестве способа установления действительного характера существовавших и существующих правоотношений сторон [Малинин, 1878, с. 2].

Процессуальная роль мирового соглашения заключается в том, что оно содержит в себе иное начало, отражающее поведение сторон в отношении регулирования спорного правоотношения.

Здесь предполагается, что между сторонами спорного правоотношения отсутствуют согласованные заявления о фактических обстоятельствах спорного дела, существовавших или существующих между сторонами до возникновения судебного разбирательства («допроцессуальные материально-правовые отношения»).

Отсутствие согласованных заявлений сторон о фактических обстоятельствах спорных правоотношений, возникших до судебного разбирательства, могут быть обусловлены:

- 1) различного рода сомнениями в части окончательного исхода судебного разбирательства («исход судебного процесса не может быть приблизительно известен»);
- 2) затруднениями сторон при ведении дела в суде (в части предоставления доказательственного материала в подтверждение факта или группы фактов).

При вышеуказанных условиях и применимо мировое соглашение, которое обеспечит выравнивание в регулировании спорного правоотношения по воли самих тяжущихся («обеспечение баланса в регулировании спорных правоотношений»).

Здесь следует согласиться с точкой зрения М.И. Малинина, который указывал о том, что основным началом мирового соглашения служит договорное начало, которое обеспечит сторонам возможность самостоятельно устранить сомнительное и неизвестное по своему исходу спорное правоотношение [Малинин, 1878, с. 10].

Тем самым мировое соглашение имеет своей целью «создать» вместо спорного текущего правоотношения, новое правоотношение, которое будет соответствовать взаимному соглашению тяжущихся и устраним имеющиеся сомнения в отношении правоотношения («преобразование правоотношения»).

Аналогичное понимание правовой природы мирового соглашения заложено в текущем регулировании института мирового соглашения в немецком законодательстве. Мировое соглашение определяется в качестве договора, посредством которого правовой спор или сомнения сторон по поводу правоотношения разрешаются путём взаимных уступок. Следовательно, отличительным признаком мирового соглашения является устранение правового спора между сторонами или сомнений в отношении правоотношения. В мировом соглашении неопределенность сторон устраняется путём взаимных уступок друг другу [Шмагин, 2019, с. 5].

Данный подход нашёл своё отражение в практике судов РФ, в котором о мировом соглашении сформулировано, что оно является соглашением сторон, которое направлено на прекращение спора на основе взаимных уступок.

Очевидно, что к числу уступок относятся условия о содержании, размеров и сроков исполнения обязательств сторон применительно к спорному правоотношению. Поэтому стороны могут «наполнять» мировое соглашение теми фактами, которые будут иметь отношение к регулированию спорного правоотношения [Тряпочкин, 2022, с. 81], в том числе фактами, имевшими место в допроцессуальных отношениях.

В отечественной процессуальной доктрине ввиду многообразия условий, определяемых в качестве содержания мировых соглашений в качестве одного из видов мировых соглашений выделяются подтверждающие мировые соглашения. Сущность подтверждающих мировых соглашений заключается в констатации правоотношений существовавших в «прошлом виде» («допроцессуальные материальные правоотношения»), которые при вынесении утверждения мирового соглашения становятся для сторон бесспорными и определенными» [Ватаманюк, 2021, с. 34].

Тем самым признание факта можно поместить в содержание мирового соглашения, однако для достижения эффективности действия подтверждающих мировых соглашений можно признать приемлемым опыт правового регулирования оспаривания мировых соглашений, по которым если кто-либо из сторон изъявляет желание признать мировое соглашение недействительным или отзыве своего волеизъявления, то данная сторона обращается в тот же суд, в котором было заключено соглашение с ходатайством о продолжении спора.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ сущности признания и мирового соглашения привел к выводу о том, что признание факта можно поместить в состав мирового соглашения, но при этом следует обеспечить детальное регулирование институтов признания фактов и мирового соглашения, и их разновидностей в действующем материальном и процессуальном законодательстве на основе положений немецкой доктрины, обеспечив согласованность регулирования правовых институтов.

Библиография

1. Арбитражный процесс: учеб. пособие / отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2017. 752 с.
2. Ватаманюк В. О. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Москва, 2021. 291 с.
3. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., исп. и доп. Санкт-Петербург: Типография М. Меркушева, 1913. 411 с.
4. Гордон А. И. Юридические заметки: признание и удовлетворение // Журнал Министерства юстиции. 1867. № 1.
5. Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. Москва, 1950. 199 с.
6. Клейнман А. Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 72 с.
7. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс: учеб. пособие / под ред. М. А. Фокиной. Москва: Статут, 2014. 496 с.
8. Лазарев С. В. Судебное управление движением дела. Москва: Статут, 2022. 330 с.
9. Малинин М. И. Судебное признание в гражданских делах. 2-е изд., доп. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. 135 с.
10. Попов Б. В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе: критико-догматическое исследование. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и С-вья, 1905. 389 с.
11. Савиньи Ф. Ф. Система современного римского права: В 8 т. Т. IV: монография / Савиньи фон Фридрих Карл; пер. с нем. Г. Г. Жигулина; под ред. О. Д. Кутателадзе, В. М. Зубаря, Г. Г. Жигулина. Москва: Статут, 2016. 480 с.
12. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2022. 158 с.
13. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: [монография] / Н. А. Тряпочкин; Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, кафедра гражданского процесса. Москва: Статут, 2024. 122 с.
14. Шмагин Александр, адвокат (ФРГ), юрист (СПбГУ), адвокатское бюро «Дерра, Мейер и партнеры», Берлин, Германия «Разойтись с миром. О проблемах исполнения мировых соглашений российских судов в Германии» // Адвокатская газета. № 4 (285) от 18.02.2019.
15. Яблочков Т. М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеєм. 1914. Вып. III (XXI). С. 462–482.
16. Яблочков Т. М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеєм. Ярославль, 1914. Вып. IV (XXII). С. 604–637.
17. Яблочков Т. М. «Недостаточное обоснование» требования (иска или возражения) / Проф. Т.М. Яблочков. Петроград: тип. т-ва «Обществ. польза», 1915. 20 с.
18. Bethmann-Hollweg M.A. Versuche über einzelne Theile der Theorie des Civilprozesses. Berlin, Stettin, 1827. P. 375.
19. Schneider, Ernst Christian Gottlieb. Vollständige Lehre vom rechtlichen Beweise in bürgerlichen Rechtssachen. Giessen: Georg Friedrich Heyer, 1842. P. 404.

Recognition of a Fact as a Result of Conciliation Procedures: A Settlement Agreement

Nikita A. Tryapochkin

PhD in Law,
Associate Professor,
Ural State University of Economics,
620144, 62, 8 Marta str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: tryapochkin_na@usue.ru

Evgenii N. Kulyushin

PhD in Law,
Associate Professor,
Ural State University of Economics,
620144, 62, 8 Marta str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: kulyushin_en@usue.ru

Abstract

Judicial recognition of a fact in civil and arbitration proceedings (hereinafter referred to as civil procedure) is far from a new phenomenon in Russian procedural law. It became an integral part of it almost two centuries ago. However, the degree of elaboration of scientific theory on this topic sometimes makes one wonder: do theorists, practitioners, and the legislator correctly understand the legal nature of this mechanism for releasing the parties to a case from further proof of previously recognized facts? One of the most complex aspects of judicial recognition is its interpretation as a result of conciliation procedures. For some reason, this is exactly how the legislator defined it in the current procedural codes, which gave rise to a corresponding question about the unity of recognition with other procedural institutions, for example, the conclusion of a settlement agreement by the litigants. Hence, we will now attempt to find answers to the following two questions: Can recognition of a fact be a result of conciliation procedures? If so, can it be, for example, an integral part of a settlement agreement?

For citation

Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N. (2026) Priznanie fakta kak rezul'tat primiritel'nykh protsedur: mirovoe soglasenie [Recognition of a Fact as a Result of Conciliation Procedures: A Settlement Agreement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 405-415. DOI: 10.34670/AR.2026.14.79.043

Keywords

Recognition of facts, exemption from proof, settlement agreement, civil procedure, conciliation of the parties, procedural economy, law of evidence.

References

1. Arbitration Process: Textbook / Ed. V. V. Yarkov. 7th ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2017. 752 p.
2. Bethmann-Hollweg, M. A. (1827). *Versuche über einzelne Theile der Theorie des Civilprozesses*. Berlin, Stettin, p. 375.
3. Golmsten, A. Kh. (1913). *Textbook of Russian Civil Procedure*. 5th ed., revised and enlarged. St. Petersburg: M. Merkushev Printing House, 411 p.
4. Gordon, A. I. (1867). Legal Notes: Admission and Satisfaction. *Journal of the Ministry of Justice*, no. 1.
5. Gurvich, M. A. (1950). *Lectures on Soviet Civil Procedure*. Moscow, 199 p.
6. Kleinman, A. F. (1950). *Basic Issues of the Theory of Evidence in Soviet Civil Procedure*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 72 p.
7. *Course in Evidence Law: Civil Procedure. Arbitration Procedure: Textbook* / edited by M. A. Fokina. Moscow: Statut, 2014, 496 p.
8. Lazarev, S. V. (2022). *Judicial Management of Case Movement*. Moscow: Statut, 330 p.
9. Malinin, M. I. (1878). *Judicial Admission in Civil Cases*. 2nd ed., suppl. Odessa: L. Nitsche Printing House, 135 p.
10. Popov, B. V. (1905). *Distribution of Evidence Between the Parties in Civil Proceedings: A Critical and Dogmatic Study*. Kharkov: M. Zilberberg i S-vya Printing House, 389 p.

11. Savigny, F. F. (2016). *The System of Modern Roman Law*: In 8 volumes. Vol. IV: monograph / Savigny von Friedrich Karl; trans. from German by G. G. Zhigulin; edited by O. D. Kutateladze, V. M. Zubar, G. G. Zhigulin. Moscow: Statut, 480 p.
12. Schneider, Ernst Christian Gottlieb. (1842). *Vollständige Lehre vom rechtlichen Beweise in bürgerlichen Rechtssachen*. Giessen: Georg Friedrich Heyer, p. 404.
13. Shmagin, Aleksandr, attorney (Germany), attorney (St. Petersburg State University), Derra, Meyer & Partners Law Firm, Berlin, Germany. (2019). Parting in Peace. On the Problems of Enforcing Settlement Agreements of Russian Courts in Germany. *Advocate Newspaper*, no. 4 (285), February 18, 2019.
14. Tryapochkin, N. A. (2022). *Judicial Admission in Civil Proceedings: Theoretical Problems*: diss. ... Cand. of Law: 5.1.3. Yekaterinburg, 158 p.
15. Tryapochkin, N. A. (2024). *Judicial Admission in Civil Procedure: Theoretical Problems*: [monograph] / N. A. Tryapochkin; Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Department of Civil Procedure. Moscow: Statut, 122 p.
16. Vatamanyuk, V. O. (2021). *Settlement Agreement in Civil Proceedings*: diss. ... Cand. of Law: 12.00.15. Moscow, 291 p.
17. Yablochkov, T. M. (1914). Formal Features of the Concept of Judicial Admission in Civil Procedure. *Legal Notes Published by the Demidov Law Lyceum*, Issue III (XXI), pp. 462–482.
18. Yablochkov, T. M. (1914). Formal Features of the Concept of Judicial Admission in Civil Proceedings. *Legal Notes, published by the Demidov Law Lyceum*. Yaroslavl, Issue IV (XXII), pp. 604–637.
19. Yablochkov, T. M. (1915). *"Insufficient Substantiation" of a Claim (Claim or Objection)* / Prof. T. M. Yablochkov. Petrograd: Printing House of the "Public Benefit" Society, 20 p.